

4 (47+57) «1905/1917» (082)

ББК 63.3(2)52

2

Издание осуществлено

при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса).

Драма российской истории: большевики и революция

Под редакцией академика А.Н. Яковлева.

М.: Новый хронограф, 2002. 449 с.

(Россия. XX век. Исследования).

2003-7
1055

ISBN 5-94881-004-6

Книга адресована тем, кто хочет разобраться в событиях первых десятилетий XX в., приведших к власти большевиков и к установлению в России однопартийной большевистской диктатуры. В ней авторы рассматривают ключевые события того времени и существующие на них точки зрения, опираясь на данные источников, в том числе на новые архивные материалы.

УДК 94 (47+57) «1905/1917» (082)

ББК 63.3(2)52

Драма Александр Н. Яковлев
№ 2280 K

©Международный фонд «Демократия»

(Фонд Александра Н. Яковлева), 2002

©Новый хронограф, 2002

ISBN 5-94881-004-6

РОС. НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
С.Петербург

ДРАМА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ.

БОЛЬШЕВИКИ И РЕВОЛЮЦИЯ

К читателю

Настоятельная необходимость обобщающих работ об истоках большевизма, о захвате власти ленинской партией, установлении однопартийной диктатуры и тоталитарного режима назрела давно. Общественная потребность в переосмыслении опыта нашей страны за самый бурный, самый драматический век в ее тысячелетней истории особенно ощущается теперь, когда мы вступили в новое столетие.

Взгляды людей не изменяются мгновенно, с утра или вечера какого-то дня. Поэтому и старшее поколение, и тем более молодое нуждаются в просвещении историей, в избавлении от химер, навязанных обществу коммунистической идеологией. К сожалению, неоязыческая религия спасения с культом обожествленного вождизма еще жива как в доктринальном, так и ритуальном плане. Идеи большевизма, заразившие общество, заметно мешают решению политических, экономических и социальных задач, стоящих перед современной Россией.

Книга, которую читатель держит в руках, одно из звеньев в познании прошлого, базирующегося на строго документальной основе и отвечающего задачам создания правового, демократического гражданского общества в России. Только научный анализ может способствовать преодолению исторических мифов, выяснению причин, характера и последствий захвата большевиками власти в октябре 1917 года.

До 1917 года Россия не знала иной формы правления, кроме самодержавия, если не считать слабых ростков парламентаризма в начале века. Не успело сложиться в стране и гражданское общество. Февраль 1917 года круто повернул жизнь миллионов. Казалось, был открыт путь к демократии. Но Февралю положил конец Октябрь. Драма истории нашей страны не только в том, что в годы развязанной большевиками гражданской войны погибли миллионы людей, а остальное население было втянуто в кровавую смуту, насаждавшую ненависть, разруху, голод, но и в том, что диктатура большевизма уничтожила движение к демократии.

состав, политическая ориентация (1905 — февраль 1907). Дисс. на соискание учен. степ. д-ра ист. наук. М. 1987. С. 161, 163.

⁷⁰ Пушкарева И.М. Рабочее движение в России в период реакции. 1907 — 1910 гг. М. 1989. С. 91; Рабочий класс России. 1907 — февраль 1917 гг. М. 1982. С. 144.

⁷¹ Пушкарева И.М. Указ. соч. С. 96.

⁷² Рабочий класс России. С. 220, 222.

⁷³ Пушкарева И.М. Указ. соч. С. 98.

⁷⁴ Балабанов М. История рабочей кооперации в России. М. 1928. С. 160.

⁷⁵ Пушкарева И.М. Указ. соч. С. 103.

⁷⁶ См. Ленин В.И. ПСС. Т. 21. С. 149.

⁷⁷ Рабочий класс России. 1907 — февраль 1917 гг. С. 228; Уткин А.И. Указ. соч. С. 102 — 108; Пушкарева И.М. Указ. соч. С. 228, 229, 254.

⁷⁸ Ленин В.И. ПСС. Т. 22. С. 26.

⁷⁹ Уткин А.И. Указ. соч. С. 108 — 109.

⁸⁰ Цехновичер А.Я. Школа политической борьбы. Из истории участия большевиков в думских избирательных кампаниях. 1906 — 1912. Тула. 1989. С. 70; Рабочий класс России. 1907 — февраль 1917 гг. С. 160, 216; История СССР. В 12-ти тт. Т. 1. М. 1968. С. 396, 449.

⁸¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 17. с. 5, 6.

⁸² Ковальчук М.А. Разработка В.И. Лениным парламентской тактики большевиков в годы реакции // Вестник ЛГУ. Сер. История, язык и литература. 1961. №2. Вып. 1. С. 23.

⁸³ Живое дело. 1912. 27 января и 1 февраля.

⁸⁴ История КПСС. Т. 2. С. 397.

⁸⁵ См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 48. С. 225.

⁸⁶ Дело провокатора Малиновского. М. 1992. С. 75 — 76.

⁸⁷ Большевицкая фракция 4 Государственной Думы. Сб. документов и материалов. Л. 1938. С. 38.

⁸⁸ Уткин А.И. Указ. соч. С. 108, 109.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Ленин В.И. ПСС. Т. 17. С. 194 — 195.

⁹¹ Политические партии и политическая полиция. М. — Минск — Гомель. 1996. С. 215.

⁹² Ленин В.И. ПСС. Т. 48. С. 325.

⁹³ Цит. по: Ленин в борьбе за революционный Интернационал. М. 1970. С. 219.

⁹⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 24. С. 203.

⁹⁵ Там же. Т. 48. С. 280.

⁹⁶ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 3. М. 1960. С. 12.

⁹⁷ Ленин в борьбе за революционный Интернационал. С. 234.

Дело Плеханова
215 2280 К

РСДРП и война: от оборонца Плеханова до пораженца Ленина

В древней притче говорится, что войны начинают и в них виноваты власть потерявшие, войны заканчивают и в них побеждают «власть имущие», больше всех выигрывают и во всем всегда правы «власть захватившие» целиком и надолго, а расплачиваются за все, всегда и полностью власть не имущие.

С международно — правовой точки зрения Первая мировая война началась 1 августа 1914 г. и закончилась 28 июля 1919 г. подписанием Версальского мирного договора между побежденной Германией и «великими державами — победительницами» Францией, Британской империей, США, Италией, Японией и их союзниками.

Фактически боевые действия на Западном театре военных действий прекратились 11 ноября 1918 г. после Компьенского перемирия. Война велась за военно — политическую и экономическую гегемонию в Европе и в мире в целом. Одну воюющую сторону представляли государства — участники «Сердечного согласия Entente Cordiale (фр.), сокращенно Антанты, или «Тройственное согласие», первоначально в составе Франции, России (до 3 марта 1918 г., когда состоялось подписание Брест — Литовского сепаратного мирного договора), Британской империи и их союзников (всего 25 государств). Другую и Германская и Австро — Венгерская империи с их союзниками: Османской империей и Болгарским царством.

Политическим поводом к войне послужил региональный австро — сербский конфликт из — за убийства наследника австрийского престола эрцгерцога Франца — Фердинанда Габсбурга и его жены Софьи Гогенберг членом сербской национальной революционной организации «Млада Босна» (Молодая Босния) гимназистом Гаврилой Принципом 28 июня 1914 г. в 11 часов утра в главном городе Боснии Сараево, на набережной реки Миляцка¹. Началась общеевропейская война. Еще в январе

1913 г. Ленин писал Горькому в связи с наметившимся раскладом событий: «Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей восточной Европе) штукой, но мало вероятия, чтобы Франц Йозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие»².

После убийства в Сараево под нажимом Германии на австро-венгерское политическое руководство происходит трансформация довольно заурядного межгосударственного конфликта между Сербским королевством и Австро-Венгерской империей в конфликт на Балканах уже между Австро-Венгрией и Германией, с одной стороны, и Сербией и Россией, с другой. Двусмысленная, внешне нейтральная позиция Великобритании подтолкнула германского императора Вильгельма II объявить войну России 1 августа 1914 г. в 19 часов 10 минут в ответ на отказ российской стороны прекратить мобилизацию вооруженных сил. Николай II подвергся сильному нажиму со стороны сторонников партии «быстрой и победоносной войны» и после некоторых колебаний, принял, в конечном итоге, роковое решение о вступлении в войну, которая привела к катастрофическим последствиям для России.

Каждая воюющая держава, в соответствии с ее политико-идеологическими ориентациями, пропагандировала свою официальную версию, оправдывающую ее участие в войне, как правило, патриотического толка. Но под лозунгом защиты Отечества, верности союзническому долгу, выступал, по существу воинствующий национализм и милитаризм.

Правящие блоки либерально-консервативных партий и их союзников из числа умеренных социалистов и социал-демократов, составлявших политическую коалицию «национального единства, социального мира и гражданского согласия» в либерально-демократических государствах Запады заявляли, что война ведется ради защиты Отечества, идеалов свободы и демократии, за освобождение угнетенных народов Европы против агрессивного германского экспансионизма и гегемонизма консервативно-монархических режимов династий Гогенцоллернов и Габсбургов. Это будет, уверяли политики, последняя в истории Европы и человечества война, и в случае неизбежной победы над германо-австро-турецким блоком, несущим средневековое варварство и порабощение, наступит эпоха всеобщего и вечного мира, все угнетенные народы Европы, в том числе и немецкий, получат подлинный национальный суверенитет, а в послевоенной Европе будут царить идеалы свободы, демократии, прогресса и всеобщего процветания.

В Германии и Австро-Венгрии официальная пропаганда имела две составляющие: политико-юридическую и идейно-психологическую. Согласно первой, совершается справедливое возмездие за террористическое убийство австрийского эрцгерцога и проявляется верность союзническому долгу перед родственной по крови и по духу державой. Вторая представляла собой гремучую смесь идей пангерманизма, ква-

зи исторического реваншизма восстановления былого германского господства над ранее утраченными территориями от вестготской Испании на западе до норманнской Руси на востоке, мессианизма и великодержавного национализма особой исторической роли Германии в мировой истории как основного фактора развития человеческой цивилизации высокой культуры, прогресса и порядка, образца для других народов (что в особенно четко выразилась в первой строке государственного гимна «Германия, Германия превыше всего, превыше всего в мире»); крайне воинствующего милитаризма культа армии как школы нации, упования на грубую военную силу как на простое решение сложного клубка межгосударственных противоречий в Европе и в мире в целом.

В результате молниеносной войны «блицкрига» германские войска, предполагалось, сокрушающим ударом уничтожат многовековых врагов разлагающуюся Францию на западе, варварскую Россию на востоке, и на их обломках будет окончательно достроен «второй Великогерманский Рейх», что явится торжеством германского духа и победой его гения кайзера Вильгельма II. Немецкая и австрийская социал-демократические партии, кроме нескольких немногочисленных группировок левых радикалов, полностью поддержали военные действия своих правительств. В дополнение к официальной версии их руководители заявили, что разгром России освободит рабочий класс от реакционного царского самодержавия.

В России содержанием официальной пропаганды были идеи государственного патриотизма (война специальным царским манифестом объявлялась «Второй Отечественной войной 1914 года»), панславизма и непоколебимой верности союзническому долгу перед братской славянской Сербией и Францией, защищающими себя от австро-германской агрессии. Быстрая победа в войне, заявлялось, даст возможность освободить братские славянские народы от многовекового угнетения немцами и австрийцами и объединить их под великодержавным скипетром Дома Романовых; тысячелетняя германская угроза на западе, австрийская на юго-западе и турецкая на юге будут полностью и окончательно устранены.

В подобного рода заявлениях, как можно видеть, нет речи о защите реальных интересов России, в качестве же идеологических проектов они тоже сомнительны.

Высшие церковные круги всех вступивших в войну государств активно поддержали свои правительства, отнеся их участие в войне к Божьему произволению. Бернард Шоу остроумно заметил: «Господа Бога так усиленно и страстно молили о ниспослании скорейшей победы христоролюбивому воинству, что он целых четыре года не мог рассудить в чью-либо пользу и отдал решение вопроса на откуп черту, который принял воистину дьявольское решение: русским крах царизма накануне

победоносного наступления и провал либерализма на пороге победы, позор Брестского мира и триумф большевизма в самой кровавой гражданской войне; немцам после 4-х лет нескончаемых пирровых побед крушение кайзеризма, горечь национального унижения и хмель нацизма; французам и британцам неожиданную победу после постоянных военных неудач, крах либеральных иллюзий о мирной, послевоенной Европе; американцам экономический бум и европейские долги; итальянцам статус «великой державы-победительницы» за целую серию военных поражений; австрийцам клерикальную республику без республиканцев; венграм королевство без короля во главе с сухопутным адмиралом; чехам, морavam, словакам и русинам вместо двуединой Австро-Венгрии единую Чехословакию; полякам Великую Польшу «от можа до не можа»; сербам Великую Сербию с австрийской Словенией, Хорватией, Боснией и Герцеговиной, венгерской Воеводиной, болгарской Македонией, албанской Метохией, черногорской Черногорией; румынам Великую Румынию с венгерской Трансильванией и русской Бессарабией; туркам османскую Турцию и Великую Армению без армян; финнам Финляндию; японцам немецкий Китай и русскую Маньчжурию, а всем европейцам и азиатам эпоху мировых войн и катаклизмов вместо мира, свободы и процветания»³. Восторжествовала, в конечном итоге, преступная политика правителей государств тех времен. Выстрел одного террориста привел к гибели миллионов ни в чем не повинных людей.

Кроме официальных, крайне идеологизированных и политизированных версий, оправдывающих войну, имелись еще две резко оппозиционные.

Первая религиозно-пацифистская, безоговорочно осуждающая войну с позиций идеалов гуманизма и религиозной морали. С этих позиций выступали видные общественные, религиозные и научные деятели Б. Рассел, А. Лафонтен, Р. Роллан, папа римский Бенедикт XV, А. Эйнштейн и многие другие.

Вторая отражала позицию радикальных социалистов-интернационалистов: предстоящая мировая война, по этой версии, дает уникальную возможность совершить мировую революцию — быстрое, одномоментное свержение буржуазной власти в результате всеобщей забастовки, массового отказа от военной службы, вооруженных восстаний и других радикальных форм классовой борьбы. Такой подход выразился в резолюциях II Интернационала о милитаризме и международных конфликтах, принятых в Штутгарте (август 1907 г.) и в Базеле (ноябрь 1912 г.); резолюции, впрочем, имели рекомендательный характер⁴.

Правое крыло II Интернационала открыто выступило за поддержку своих правительств в будущей мировой войне. Центристы считали, что рабочий класс должен в оборонительной войне защищать свое отечество. Представители же левого крыла (Ленин, Р. Люксембург, К. Либкнехт и другие) такое противопоставление оборонительной войны наступательной

расценивали как предательство интересов пролетариата и решительно отстаивали лозунг о «превращении империалистической войны в войну гражданскую».

В нынешней историографии сложился самый широкий диапазон мнений, вплоть до диаметрально-противоположных и взаимоисключающих, о причинах, характере, роли и месте первого в мировой истории глобального военно-политического конфликта и о его влиянии на превращение радикального крыла российской социал-демократии, большевиков-ленинцев, насчитывавших несколько тысяч членов в 1914—1916 гг., в одно из мощнейших политических движений XX века, положившее начало в 1917 г. будущей коммунистической сверхдержаве СССР и всему «лагерю социализма».

На протяжении XX в. в мировых войнах Первой, Второй и «холодной» проходили своеобразную проверку на прочность основные модели развития ведущих держав и их союзов. Во всех трех войнах неизменно выходила победителем англо-франко-американская модель гражданского общества с правовым государственным строем, свободной рыночной экономикой и либерально-демократическим политическим режимом.

После Первой мировой войны в «отвал» мировой истории ушли консервативно-монархические режимы Германской, Австро-Венгерской, Османской, Российской империй. И так, перед ведущими державами и всем человечеством в целом Первая мировая война поставила, но не до конца разрешила вопрос о выборе оптимального варианта исторического развития.

Первая мировая война в первую очередь велась за передел сфер влияния и власти между союзами государств: Антантой и странами Центральной Европы. Империалистическая, экспансионистская составляющая Первой мировой войны играла весьма существенную роль. Особенно наглядно она проявилась со стороны Германии и ее союзников, которые не скрывали планов существенного расширения своего господства путем прямых территориальных захватов. Так, к осени 1918 г. в зону совместной германо-австро-венгеро-турецкой оккупации вошли территории свыше 1,2 млн кв. км с населением 70 млн человек. Та же тенденция превалировала и у держав Антанты: Российской империи (претензии на Босфор и Дарданеллы), Италии (Фиуме Южный Тироль, Албания), Сербии (Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Воеводина), Японии (германские колонии в Китае), Франции (возврат Эльзаса и Лотарингии) и Великобритании (раздел германских колоний и турецких владений в Африке и на Ближнем Востоке).

Вместе с тем, не менее значительную роль играла и либерально-демократическая тенденция. Ее представляли Франция, Великобритания и особенно США президент этого государства В. Вильсон неоднократно подчеркивал, что «цель войны состоит в демократизации Германии»⁵.

Этот процесс привел к установлению либерально — демократических режимов в Австрии (1918 — 1933 гг.), Болгарии (1919 — 1923 гг.), Венгрии (1918 — 1919 гг.), Германии (1918 — 1933 гг.), России (март — октябрь 1917 г.), Королевстве сербов, хорват, словенцев (1918 — 1929 гг.).

В то же время Первая мировая война окончательно расколола международное социалистическое движение на умеренных социалистов и социал — демократов, поддержавших ради «защиты Отечества» свои национальные правительства, и либерально — демократическую тенденцию в целом, и на радикально — экстремистское, интернационал — социалистическое течение, трансформировавшееся в революционно — коммунистическое, которое привело к большевистской диктатуре в России, а также к советским республикам в Баварии (13 апреля — 1 мая 1919 г.), Бремене (10 января — 4 февраля 1919 г.), Венгрии (21 марта — 1 августа 1919 г.), Словакии (16 июня — 7 июля 1919 г.), Латвии (13 января — 22 мая 1919 г.), Литве (18 февраля 1919 — июнь 1920 гг.), Эстонии (29 ноября 1918 — февраль 1919 гг.), Финляндии (28 января — 5 мая 1918 г.) и к неудавшейся попытке экспортировать «мировую революцию» в Польшу (июль — август 1920 г.).

Одновременно Первая мировая война стимулировала объединение социалистов с радикально — экстремистской ветвью национализма, что привело к установлению в Украине национал — социалистического режима Директории С.Петлюры (14 ноября 1918 г. — 20 ноября 1920 г.), превращению социалистов — интервенционалистов с лидером Б.Муссолини в фашистскую партию в Италии (23 марта 1919 г.) и к гитлеровскому национал — социализму, особенно преуспевшему в стратегии и тактике массового манипулирования, каковое и сказалось на трансформации основанной А.Дрекслером националистической группки «Немецкой рабочей партии» (5 января 1919 г.) в гитлеровскую НСДАП (National — Sozialistische Deutsche Arbeiterpartei — Национал — социалистическая рабочая партия Германии) (20 февраля 1920 г.).

При анализе истории большевизма и меньшевизма в 1914 — 1916 гг. необходимо учитывать следующие особенности и парадоксы Первой мировой войны.

Во — первых, вместо планируемой высшим военно — политическим руководством и генштабами ведущих европейских сухопутных держав Германии, Австро — Венгрии, Франции и России кратковременной (три — четыре месяца), маневренной, победоносной военной кампании, успех в которой решали полководческое искусство, боеготовность и боеспособность вооруженных сил, получилась долговременная (4 года и 3 месяца) война.

Во — вторых, войну начинали профессиональные, прекрасно вооруженные и экипированные, высокодисциплинированные кадровые армии с высокими степенью мобилизационной способности и боеготовности, исполненные боевого духа, а заканчивали огромные, насильно мобили-

зованные (до 74,2 млн)⁶ массы вооруженных людей, со слабой дисциплиной и крайне низким боевым духом, охваченные массовым пассивным и активным неповиновением. Так, фактически распалась 10 — миллионная русская армия в 1917 — 1918 гг., зараженная бациллой «пораженчества» и братания, 15 — миллионные армии Четвертного союза в октябре — ноябре 1918 г.

В — третьих, война начиналась в условиях небывалого, спонтанного всплеска воинствующего патриотизма и «романтического национализма», особенно в Германии и во Франции, несколько меньше в Австро — Венгрии и в России, в обстановке стихийного национального единства и согласия во имя «скорой победы», а заканчивалась полным и окончательным крахом консервативно — монархических, царистско — кайзеровских иллюзий, разочарованием в либерально — демократических идеалах и ценностях и заполнением образовавшегося идейно — политического вакуума разного рода популистско — демагогическими, радикально — экстремистскими идеями — лозунгами вроде «война войне!», «грабь награбленное!».

В — четвертых, десятки миллионов мобилизованных солдат, прошедших окопы первой мировой войны, оказались носителями «окопной психологии» особой формы милитаризованного сознания, легко поддающегося на радикально — экстремистские, популистско — демагогические лозунги и призывы крайних политических сил, от националистов до интернационалистов; носители такого сознания во всей их массе сорганизовались в партийно — общественных структурах типа красной гвардии, рабочей милиции в России, фашистской милиции в Италии, «Стального шлема» и штурмовиков в Германии и т.д.

В — пятых, начало войны вызвало окончательный крах II Социалистического Интернационала как союза марксистских партий и погребло под его обломками догму об интернациональной роли европейского пролетариата и о неизбежности и победе мировой социалистической, пролетарской революции в ходе превращения войны империалистической в гражданскую. Партии II Интернационала окончательно раскололись надвое: по одну сторону оказались умеренные социал — демократы и социалисты, патриотически настроенные и демократически ориентированные, взявшие курс на мирное сотрудничество и социальное реформирование на основе общенационального единства и согласия во имя победы; по другую радикально — экстремистские группки и течения, революционные интернационалисты — социалисты и социал — демократы, использующие идейно — политический крах консерватизма и кризис либерализма на заключительном этапе войны, а также межимпериалистические противоречия для реализации своих планов мировой революции и положившие начало формированию будущего мирового коммунистического движения.

В — шестых, война, несмотря на победу либерально — демократических держав Антанты (Франции, Великобритании и США), не привела к реализации в послевоенной Европе и на глобальном уровне идеалов мира, свободы и демократии — напротив, открыла широкую дорогу целой серии последующих локальных, региональных и мировых войн, расчитала, после краха либеральных режимов, прямую столбовую дорогу к власти большевизму в России, фашизму в Италии и нацизму в Германии⁸.

Раскол партий II Интернационала, вызванный рознью в оценках Первой мировой войны, не миновал и Россию. На крайне правом фланге российской социал — демократии, на умеренно — демократических позициях социального реформизма в рамках буржуазно — демократической модернизации России, т.е. на позициях оборончески — патриотических, оказалась группа социал — демократов, объединившаяся вокруг Г.В.Плеханова и газеты «Единство».

Георгию Валентиновичу Плеханову в 1914 г. исполнилось 58 лет. По меркам начала XX века это был уже пожилой человек, прошедший сложный и тернистый путь от видного деятеля революционно — террористической народофильской организации «Земля и Воля» (1875 г.) и отца — основателя первой марксистской группы «Освобождение труда» (1883 г.) до лидера умеренно — демократической фракции в РСДРП. Революционные порывы юности и революционный напор зрелости уже прошли, особенно после неудачи первой русской революции 1905 — 1907 гг. «Не надо было братья за оружие»⁹ такой фундаментальный вывод он сделал после поражения декабрьского вооруженного восстания в Москве.

Первую мировую войну Плеханов оценивал с позиций патриотизма, защиты Отечества и правительства. Суть его аргументации такова. В случае победы Антанты, в которой ведущую роль играли Франция и Великобритания, будет навсегда устранена угроза крайне агрессивного и реакционного германского империализма; а в послевоенной России, произойдут крайне необходимые буржуазно — демократические реформы, способствующие дальнейшим социальным преобразованиям в передовых странах Европы. Это была стратегия и тактика медленного и постепенного роста в России общедемократического, рабочего и социалистического движений в союзе с либеральной демократией. Процесс модернизации, прерванный войной, должен возобновиться после ее скорейшего и победоносного завершения. Поэтому все сознательные социал — демократы должны, по мнению Плеханова и его группы, сосредоточить свои усилия на достижении победы, после чего царизм будет вынужден под давлением «извне», со стороны союзников по Антанте и «изнутри», со стороны широкой, общедемократической, либерально — социалистической коалиции, завершить трансформацию «думской монархии» в кон —

ституционно — монархический режим, при каком российская социал — демократия займет подобающее ей ведущее место и приступит в рамках демократизации государственного строя и в союзе с либеральной демократией к крайне необходимым социальным реформам. Этот путь, полагал Плеханов, был бы оптимальным, мирным и демократическим.

Аналогичные позиции «социал — патриотизма» занимали все ведущие социал — демократические и социалистические партии Европы. Как ретроспективно показала европейская история, такой путь оптимального сочетания позитивных моментов либерально — демократической и социал — демократической тенденций на основе демократизма, национального единства и согласия этот путь либерально — демократическим державам Антанты обеспечил, в конечном итоге, победу, а затем и большинству стран Запада благоприятное социально — экономическое и культурно — политическое развитие. Группа Плеханова, однако, не имела широкого влияния на рабочее, социал — демократическое и общедемократическое движения в России, а его взгляды представляли всего лишь один из теоретически возможных вариантов развития страны.

Умеренно — радикальные позиции по отношению к войне занимала группа российских социал — демократов во главе с Александром Николаевичем Потресовым, которому в 1914 г. исполнилось 45 лет. По мнению меньшевика П.А.Гарви, «А.Н.Потресов был аристократом духа по разносторонности умственных интересов, по обширности знаний, по яркости и своеобразию литературного дарования»¹⁰. Марксист с 1891 г., один из отцов — основателей меньшевизма, сторонник легальных, парламентских методов ведения политической деятельности, Потресов, в отличие от Плеханова, выступавшего за безусловную поддержку правительства в деле «защиты» Отечества, считал, что российская социал — демократия, не протестуя против ведения войны, не должна отказываться от критики правительства и обязана всеми силами бороться за установление демократического мира без аннексий и контрибуций, с правом всех наций на самоопределение. Он полагал, что экономические предпосылки социализма в России еще не достаточно созрели и что необходима дальнейшая борьба в рамках существующего строя за демократизацию российского общества в духе «программы — минимума» РСДРП. Потресов требовал признать «принципиальную несостоятельность» решений Штуттартского и Базельского конгрессов II Интернационала о превращении империалистической войны в гражданскую. Его ключевая формула «непротивление войне»: далее она трансформировалась в тезис о «самозащите».

«Заристы» — потресовцы (так их называли, хотя название «Заря» их журнал уже заменил на «Наше дело», а затем на «Дело») считали, что антивоенная деятельность создаст ненужные трудности для либерально — демократических союзников России по Антанте Великобритании и Франции. Потресов требовал, чтобы Дума отказалась кредитовать войну

и тем самым вынуждала правительство к заключению мира. Он вел активную публицистическую деятельность, выпустил сборник «Самозащита» (1915 г.). В начале 1915 г. он был арестован и выслан из Петербурга в Москву, а в феврале 1917 г. его и оттуда собирались выслать. Политический вес и роль группы Потресова были незначительными и ограничивались небольшим слоем социал-демократической интеллигенции в столичных городах России. Потресовская альтернатива развития российской социал-демократии в целом укладывалась в рамки демократического социализма и вытекала из либеральной составляющей марксизма, но для реализации в российских условиях она, как и плехановский вариант, оказалась слишком европейской.

Правоцентристы, окисты (члены Организационного комитета РСДРП) во главе с П.Б. Аксельродом и члены думской фракции меньшевиков во главе с Н.С. Чхеидзе приняли в отношении первой мировой войны межумочную позицию, под весьма парадоксальным лозунгом «ни побед, ни поражений» они пытались объединить как правых «патриотов — оборонцев» плехановцев и потресовцев, так и левых «интернационалистов — пораженцев», сторонников превращения империалистической войны в гражданскую.

Первоначально члены меньшевистской фракции в IV Государственной Думе заняли интернационалистическую позицию. Следуя резолюциям Штутгартского и Базельского конгрессов II Интернационала, вместе с большевистскими депутатами они голосовали 26 июля 1914 г. против военных кредитов. Совместную декларацию социал-демократических фракций зачитал депутат от рабочей курии Уфимской губернии меньшевик В.И. Хаустов. Декларация отражала интернационалистическую позицию РСДРП, решительно осуждала империалистическую войну, обвиняла в ее развязывании правящие круги империалистических держав. В ней выражалась надежда на то, что международная солидарность пролетариата приведет к прекращению войны. По настоянию Чхеидзе в текст декларации была включена в завуалированной форме идея оборончества: «Пролетариат, постоянный защитник свободы и интересов народа, во всякий момент исполнит свой долг и будет защищать культурные блага народа от всяких посягательств, откуда бы они ни исходили, извне или изнутри»¹¹. Это была единственная совместная декларация меньшевистской и большевистской фракций в IV Государственной Думе. Чхеидзе с думской трибуны зачитал решения международных социалистических конференций. Меньшевистская фракция в дальнейшем поддержала «оборону Отечества» и лозунги спасения страны, одновременно заявив о своей позиции противников войны. По мнению Чхеидзе, войну социал-демократия должна использовать в своих целях, не порывая с настроенными патриотично демократами. Центристы заняли антантофильскую позицию, сославшись на «вековые традиции патриотизма».

Когда война затянулась Аксельрод предложил весьма заманчивый план

«интернациональной борьбы за мир»: по требованию рабочих отозвать министров — социалистов из правительственных коалиций, а социалистическим и социал-демократическим фракциям в парламентах голосовать против военных кредитов. На Циммервальдской (1915 г.) и Кинтальской (1916 г.) международных социалистических конференциях Аксельрод неоднократно предлагал «взаимную амнистию» всех социалистических и социал-демократических партий, выступал против разрыва с Международным социалистическим бюро и неоднократно заявлял, что благодаря сложившейся в России революционной ситуации российский пролетариат не склонен к шовинизму.

Лидеру правоцентристов в эмиграции Павлу Борисовичу Аксельроду в 1914 г. исполнилось 60 лет. Общепризнанный патриарх революционного движения в России, он, как и Плеханов, прошел сложный и тернистый путь от профессионального революционера, террориста — народовольца к умеренному социал-демократу парламентского, европейского образца, первым предложившему «европеизировать» российскую социал-демократию и пойти на союз с либеральной демократией. Бывший террорист — подпольщик, он одним из первых обратил внимание на рост и доминирование радикально — экстремистских, революционно — террористических, авторитарно — тоталитарных тенденций в стратегии и тактике большевизма и на особую роль Ленина в этом процессе. Он же первым понял, что меньшевизм и большевизм непримиримые, принципиальные враги. Будучи лидером заграничной коллегии ОК РСДРП, представителем РСДРП в Международном социалистическом бюро, сторонником и горячим поклонником Карла Каутского, Аксельрод активно препятствовал деятельности большевиков — ленинцев по революционизированию международного социалистического движения.

Литератору, лидеру думской фракции РСДРП и члену российской коллегии ОК РСДРП Николаю Семеновичу Чхеидзе в 1914 г. исполнилось 50 лет. С самого начала своей политической деятельности он занимал умеренные, центристские, реформистские позиции, был членом масонской «думской ложи», активно поддерживал «Прогрессивный блок», быстро пройдя путь от революционного почти — пораженчества до почти — оборонческого патриотизма, осенью 1914 г. он уже занимал позицию «защиты Отечества»

Политическое значение правоцентристов в России было невелико. Даже в их кратковременном союзе с большевиками, когда вместе с теми они приняли декларацию против войны, при том, что исполнено это было в тоне высокой патетики и завершилось демонстративным уходом всей фракции РСДРП из зала заседаний после оглашения декларации даже тогда не оказали они сколь — нибудь заметного влияния на развитие внутриполитической ситуации в России, а тем более на радикализацию и революционизирование европейского пролетариата. Это была типичная

войн, в том числе и гражданских. Не сходилась он с Лениным и в оценке возможного поражения «своего» правительства. По Ленину, это было бы меньшим для пролетариата злом, Мартов же, признавая в том объективную пользу для российского пролетариата, полагал, однако, что его революционное тому содействие неизбежно приведет к полной политической реабилитации немецких и австрийских социал-шовинистов, тем самым будет способствовать исполнению империалистических замыслов враждебного германо-австрийского блока.

По прогнозу большевиков-интернационалистов, поражение царского самодержавия неизбежно приведет к победе демократической революции в России, которая автоматически вызовет в Европе гражданские войны и, как следствие, социалистическую революцию.

В этом тезисе, считал Мартов, чисто спекулятивным никто ведь априори не доказал, что к буржуазно-демократическому перевороту Россия подготовлена лучше, чем Запад к социалистическому. Сказались теоретическая ограниченность, национальная узость и политический авантюризм большевиков-ленинцев. Мартов провидчески замечал, что «Всемирная война открывает собой эпоху мировых революционных потрясений». Он писал: «Не революция во имя национальной обороны, а революция во имя мира! Центральным боевым лозунгом момента для российского пролетариата должно стать Всенародное Учредительное Собрание для ликвидации и царизма, и войны»¹⁴.

В целом позиция Мартова представляла собой своеобразный синтез демократических начал и революционного марксизма, следовала духу и букве резолюций о войне II Интернационала. Мартов занимал, можно сказать, интернационалистическую позицию в наиболее идеологически «чистом» виде. Но в политической практике российской и международной социал-демократии она имела весьма незначительную ценность и не могла стать программой действий для отчаявшихся вооруженных масс, озверевших от крови в окопах Первой мировой войны, чей уровень политической культуры, и прежде весьма низкий, за время войны стал еще ниже.

Политическое значение и реальный вес этой группы в российской социал-демократии были небольшими, но сам Мартов пользовался непререкаемым моральным авторитетом среди руководства РСДРП и европейских социал-демократических партий. Во время русско-японской и первой мировой войн меньшевики принципиально отвергали большевистскую тактику революционного пораженчества как несовместимую с подлинным патриотизмом и совершенно неприемлемую для политической партии, рассчитывающей на поддержку народных масс России. И уж совсем не могло быть у них речи о какой-либо финансовой помощи от противников России в военных конфликтах 1904—1905 и 1914—1917 гг.¹⁵

«революционная буря в думском стакане воды». Тем не менее в условиях ограниченной легальности на время войны правоцентристы и формально, и по существу были ведущей фракции РСДРП.

Левоецентристы, группировавшиеся вокруг Мартова, придерживались интернационалистических позиций в соответствии с решениями Штутгартского (1907 г.) и Базельского (1912 г.) конгрессов II Интернационала. Они считали, что вслед за империалистической войной наступит период гражданских войн с последующей ликвидацией капитализма и победой социализма. Наиболее перспективным они полагали общедемократический лозунг — требование «мир без аннексий и контрибуций». Одновременно левоецентристы поддерживали тезис большевиков-ленинцев насчет объективной заинтересованности пролетариата в провале империалистических планов «своих» правительств, но решительно отвергали прямое, открытое «революционное поражение»». Левоецентристы резко выступали против социал-патриотизма правых, стремились объединить все социал-демократические группы и течения РСДРП на основе интернационал-социализма решительно и резко выступали против политической гегемонии либералов в общедемократическом движении в России.

Юлий Осипович (Иосифович) Мартов (Цедербаум) — большая совесть российской социал-демократии, идеолог и теоретик мирового меньшевизма (Р.А. Абрамович), российский Дон-Кихот, наивный романтик-идеалист демократического социализма (Д.А. Волкогонов), Гамлет демократического социализма (Л.Д. Троцкий) — одна из самых трагических и сложных фигур истории российской революционной истории. Буквально всю свою жизнь он отдал пролетарской революции и первый вкусил ее горькие плоды¹². В своей политической деятельности Мартов (в 1914 г. ему исполнился 41 год) прошел сложный и извилистый путь от горячего сторонника, близкого друга и соратника Ленина с момента организации Петербургской группы «Освобождение труда» (1892 г.), «мягкого» искровца, идеолога меньшевизма (1903 г.)... до полного и окончательного политического, идеологического и личного разрыва с Лениным (1911 г.), увидев в ленинском большевизме возрождение «нечаевщины» тотального революционного терроризма. По вопросу о войне у Мартова и его единомышленников была программа из трех пунктов: «1. Война является империалистической по своим причинам и характеру; 2. Социалисты не должны принимать в ней участие даже под лозунгом обороны; 3. Европейское социалистическое движение должно оказывать давление на правительства воюющих стран, требуя от них заключения всеобщего справедливого мира»¹³.

В противовес Ленину, рьяно отстаивающему тезис о превращении империалистической войны в гражданскую, Мартов отстаивал лозунг «мир во что бы то ни стало» и был принципиально против всех и всяческих

Троцкисты и так называемые межрайонцы занимали политическую позицию, постоянно колеблющуюся между меньшевистским левоцентристским и большевистским, революционно — интернационалистическим крылом РСДРП. Они пытались под своим идейным и организационным руководством объединить эти основные течения российской социал — демократии, совместить принципиально несовместимые тенденции реформистского социализма меньшевиков и радикально — экстремистского революционаризма большевиков. Как самостоятельная политическая структура в РСДРП межрайонцы организационно оформились в ноябре 1913 г. по названию «Петербургская междурайонная социал — демократическая организация», затем переименовывались в «Междурайонный комитет организации объединенных социал — демократов» «Междурайонную комиссию РСДРП», с конца 1914 г. «Междурайонный комитет». В состав межрайонцев входили троцкисты, часть меньшевиков — партийцев, «впередовцев» и большевиков — примиренцев. Основатели межрайонки считали, что РСДРП как единой партии нет, фракции слабы, со стороны партийных низов, особенно партийцев — рабочих, сильно стремление к единству и потому партия должна быть воссоздана путем ломки фракций. В 1913 — 1914 гг. межрайонцам удалось создать дееспособную организацию. Признавая необходимость превращения империалистической войны в гражданскую, они решительно выступали против тезиса о «поражении своего правительства», боролись против социал — патриотов, но за организационное единство всех социал — демократических течений, фракций и групп в рамках единой РСДРП.

Льву Давидовичу Троцкому (Бронштейну) в 1914 г. исполнилось всего лишь 35 лет. Это был самый молодой, самый амбициозный, самый яркий межфракционный лидер в РСДРП. Только Троцкому могла прийти в голову мысль объединить под своим личным руководством теоретически и идеологически несовместимые течения, фракции и группы, во главе которых стояли общепризнанные патриархи российского социал — алистического движения Плеханов и Аксельрод, отцы — основатели меньшевизма и большевизма Потресов, Мартов и Ленин. Для всех них без исключения Троцкий был выскочка. Начало первой мировой войны застало его в Вене, столице враждебной России Австро — Венгрии, в качестве корреспондента целого ряда газет, в т.ч. и «Одесских новостей». В самом начале войны он встал на позиции, близкие к левоцентристам — мартовцам. Затем Троцкий попытался объединить все социал — демократические фракции и группы в РСДРП посредством синтеза «революционного оборончества» и «социалистического интернационализма» в т.н. «интернационал — оборончество». В качестве организационного центра Троцкий использовал редакцию газеты «Голос» — «Наше слово» (с 6 — го номера), где активно сотрудничали на межфракционной основе ведущие группы социал — демократов, от

крайне правого Г.А. Алексинского до левого Мартова, вплоть до большевиков.

Сам Троцкий занял позицию между левоцентристами — мартовцами и большевиками — ленинцами. Первую мировую войну он считал империалистической, резко критиковал позиции правых социалистов, оборонцев — шовинистов, но требовал сохранения и укрепления организационного единства с ними, поскольку они имели весьма солидное влияние в массах. В противовес ленинскому требованию безусловного разрыва с социал — оборонцами Троцкий настоятельно призывал к единству с ними всех социал — демократов. По этой части он вел непримиримую полемику с Лениным. Тот же Троцкого и Мартова считал скрытыми оппортунистами, наиболее опасными для подрыва ленинской гегемонии в левом спектре российской социал — демократии и рабочего движения в целом.

В конце 1915 г. Троцкий порвал все свои отношения с оборонцами и выдвинул весьма претенциозный лозунг: создать Соединенные Штаты Европы посредством революции в ведущих европейских странах. Тогда же он дал свое обоснование исторически неоправдавшемуся тезису о невозможности национального самоопределения зависимых народов при империализме. Ленина он резко критиковал за то, что, «революционный демократизм» и «социалистическое доктринерство» у него раздельны и никогда не собираются в живое марксистское целое. «Ни побед, ни поражений» такова весьма популярная среди центристов и левых формула Троцкого. Он активно участвовал в первой после начала войны международной социалистической Циммервальдской конференции (1915 г.), был весьма близок к «циммервальдской левой» группе. В 1916 г. за активную антивоенную пропаганду Троцкий был выслан из Франции в Испанию, а затем в США, где вместе с Бухариным редактировал газету «Новый мир».

Отношение к Первой мировой войне крайне левых социал — демократов большевиков во главе с Лениным было всегда революционно — бескомпромиссным, антипатриотически — пораженческим. Единственным правильным способом борьбы против империалистической войны он полагал превращение ее в войну гражданскую: в каждой стране против своего правительства, и в первую очередь против самого реакционного царского самодержавия в России. Это была не очередная псевдомарксистская химера и социалистическая благоглупость, а тщательно продуманная стратегия захвата государственной власти в России через военнополитический крах царского самодержавия с опорой на победоносные социалистические революции в Европе и установление в дальнейшем мировой гегемонии большевистских идей и большевистской власти.

В 1914 г. Владимиру Ильичу Ленину (Ульянову) исполнилось 44 года. К этому времени он уже был лидером хоть и небольшой, но сравни —

тельно дисциплинированной и управляемой фракции — партии большевиков «нового типа». Большие надежды он возлагал на рост революции — онного подъема 1910 — 1914 гг. и на перспективы общеевропейской войны, которые неизбежно вызовут политический переворот в России и в Европе. Самое главное, полагал он, быть своевременным в нужном месте, чтобы успеть перехватить власть у Николая II. С этой целью Ленин поселился в Новой Дунайце около Кракова (Австрийская Польша), с минуты на минуту ожидая неминуемого революционного переворота в России. Но после начала войны и краха интернационал — социалистических иллюзий насчет того, что война вызовет немедленный социалистический переворот, он вместо кресла руководителя революционного правительства России совершенно неожиданно оказывается в камере № 5 австрийской тюрьмы в городе Новый Тарг по глупейшему подозрению в «русском шпионаже». И только благодаря заступничеству лидеров австрийской социал — демократии В. Адлера и Г. Диаманди, охарактеризованного Лениным как непримиримого, открытого политического противника царского самодержавия, Ленин освобождается из тюрьмы и немедленно уезжает в Швейцарию под поручительство уже швейцарского социал — демократа Г. Грейлиха.

Итак, действительность не оправдала его расчетов и надежд. Военный патриотизм оказался для рабочих выше пролетарского интернационализма. Крах II Интернационала и переход всех его партий с интернациональных позиций на националистические несколько не разубедил Ленина в перспективности его стратегии. А оказаться в «хвосте» у социал — патриотов в союзе с либералами — прогрессистами в качестве думского «пятого» колеса бюрократической телеги царского самодержавия это для Ленина было бы отказом от всех его амбициозных планов, от самого себя. Жажда власти не толкнула его на измену Родине.

Ленин заявляет о своей непреклонности в стратегии превращения войны империалистической в гражданскую, пишет целый ряд статей и воззваний, ориентирует депутатов большевистской фракции Государственной Думы на конфронтацию с властью. Ленинские тезисы об отношении революционных социал — демократов к войне были найдены у арестованных членов большевистской фракции Государственной Думы и послужили одним из главных обвинений в государственной измене. В тезисах вполне определенно заявлялось, что каждый последовательный социалист обязан бороться в первую очередь со своим правительством, и что лучшим исходом войны должно быть поражение царского правительства как самого реакционного.

В дальнейшем Ленин уточняет свои взгляды: именно отсталая Россия, как слабое звено мирового империализма, после революционного свержения царского самодержавия станет базой мировой революции. Но для этого необходимо, чтобы война подготовила объективные условия, обо-

стрила до предела все социальные и межнациональные противоречия внутри воюющих государств. Большевики же должны создать субъективные условия: укрепление своей партии и воссоздание нового Коммунистического Интернационала на основе последовательного революционаризма и интернационализма.

Итак, Первая мировая война расколола на два противоборствующих лагеря не только Европу и мир, но и российскую социал — демократию, чему причиной стали внутренние разногласия ее лидеров относительно как войны, так и государственной власти. Раскол этот оказался необратимым и прошелся по всему политическому спектру основных течений, фракций и групп РСДРП, от крайне правых, меньшевиков — плехановцев, до крайне левых, большевиков — ленинцев, разделив их по национально — государственной ориентации на антантофилов, патриотов и оборонцев и последовательных пораженцев, революционеров — интернационалистов из отряда Ленина. По степени легальности, уровню радикализма, тактике и организационному устройству произошло разделение на лояльных власти социал — демократов реформистской ориентации и нелегалов радикально — экстремистского толка вроде ленинцев с авторитарно — тоталитарным мировоззрением. Этот раскол не был неожиданным. Ленин настойчиво его добивался исключительно с личной целью остаться единственным лидером экстремистской группировки, что ему и удалось. Не без его участия в развитии российской социал — демократии идеологически, политически и организационно выделились разные тенденции. В соответствии с последними определились модели (проекты) социалистического будущего России: плехановско — потресовский, правоменьшевистский, патриотически — оборонческий, проантантовский вариант постепенной социализации России; аксельродовско — чхеидзевский, правоцентристско — меньшевистский, интернационалистическо — оборонческий (от интернационализма на словах к оборончеству на деле, от антиимпериализма к антантофильству) постепенно — ускоренный путь социализации России в контексте ее европеизации; мартовский, левоцентристско — меньшевистский, радикально — демократический, революционно — интернационалистический, антиимпериалистический вариант социализации России после победы социалистической революции в Европе; ортодоксально — марксистский, радикально — экстремистский, ультрареволюционно — интернационалистический, антиимпериалистический, резко антантофобский, революционно — пораженческий путь насильственной социализации России и Европы в процессе мировой революции.

Оптимальными представляются плехановско — потресовские и аксельродовско — чхеидзевские варианты развития РСДРП в рамках мирного, демократического реформирования в ходе послевоенной модернизации России на основе общенационального единства и гражданс-

кого согласия. РСДРП тогда трансформировалась бы в типичную массовую социал-демократическую партию европейского типа вроде лейбористской в Великобритании, социалистической во Франции, социал-демократической в Германии и Швеции.

Вариант Мартова революционный переход к социализму демократическим путем при помощи социалистического Запада был мало реален и требовал гораздо более высокого уровня социально-экономического и культурно-политического развития России.

Троцкистско-ленинский проект социалистического будущего, сконцентрировавший в себе революционную составляющую марксизма, какковая была дополнена радикально-демагогической политикой манипулирования массами, этот вариант, несмотря на его авантюристичность, в условиях первой мировой войны и отсталости российского общества оказался исторически реализованным 25 октября 1917 г.

Ленинская теория: империализм – канун пролетарской революции

Важную роль в революционной технологии захвата власти в России сыграло, в качестве научно-теоретического обоснования, ленинское учение об империализме – высшей стадии развития капитализма, кануне социалистической революции в России и в мире.

Но устаревшие догмы одна за другой попадали под каток времени. Отношение Ленина к марксизму было чисто потребительским, он брал отсюда только то, что было под стать лично его перспективе захвата власти. Когда в начале Первой мировой войны произошло крушение II Интернационала он долго не мог в это поверить. Рушились его надежды на превращение войны империалистической в гражданскую с последующей неизбежной победой социалистической революции в Европе, затем в России и во всем мире. Троцкий вспоминает: «когда в Швейцарии появился номер «Vorwarts» с отчетом о заседании райхстага 4 августа (1914 г. о голосовании военных кредитов. — А.С.), Ленин решил, что это поддельный номер, выпущенный германским генеральным штабом для обмана и устрашения врагов»¹⁶.

Крушение II Интернационала самым непосредственным образом сказалось на большевиках. В обстановке патриотического подъема начала войны они оказались в политической самоизоляции, полиция фактически разрушила организационные структуры партии в России, большинство профессиональных партийных работников оказалось в тюрьмах, в ссылках, а оставшееся меньшинство ушло в глухое подполье, значительная часть большевиков отошла от активной политической деятельности. От некогда

влиятельной общероссийской фракции – партии осталось по существу несколько эмигрантских групп, а от некогда многотысячных партийных организаций в промышленных городах России несколько десятков малочисленных партийных ячеек в крупнейших индустриальных центрах страны. Такая ситуация поставила Ленина в положение генерала без армии. В связи с резким упадком большевистского движения партийная касса быстро опустела, и надо было думать о других, источниках дохода, например, литературных¹⁷.

Весной 1915 г. А.М.Горький основал издательство «Парус». Оно планировало выпуск серии брошюр по социально-экономической тематике: «Европа до и во время войны». По совету историка-марксиста М.Н.Покровского Ленин был приглашен в качестве автора вводной брошюры. Находясь в весьма непривычном для него политическом «простое», он весьма активно занялся обоснованием социально-экономических предпосылок неизбежной победы социалистической революции с учетом тех изменений, которые произошли в развитии капитализма с конца XIX в., когда иссякли возможности территориальной экспансии империалистических держав с образованием колониальных империй и началась борьба между ними за «куски» уже поделенного мира.

Это нашло свое отражение в рукописи Ленина за 1916 г. «Империализм как высшая стадия капитализма» общим объемом 5 печатных листов (198 страниц). Поначалу она была отправлена в адрес издательства Горького. Первый ее экземпляр конфисковали французские военные власти. Второй, совершив кружной путь через Женеву, в конце сентября 1916 г. был получен в Петрограде. Ленин в своем письме М.И.Ульяновой 22 октября 1916 г. так оценивал свой труд: «Я придаю этой экономической работе особенно большое значение и особенно хотел бы поскорее видеть ее в печати в полном виде»¹⁸.

Когда власть оказалась у Временного правительства, книга Ленина под названием «Империализм как новейший этап капитализма» вышла в свет в июле 1917 г. общим тиражом 15 тыс. экземпляров. Автор значился под двумя своими ходовыми псевдонимами «Н. Ленин [Вл. Ильин]». Полный подлинный текст работы под тем же заглавием, что и рукопись, впервые опубликован в 1925 г. в 19 томе второго издания сочинений Ленина

Формула Ленина об империализме как о высшей, загнивающей и последней стадии развития капитализма, кануне социалистической революции, т.е. победы пролетариата в мировом масштабе, стала для официальной идеологии марксизма – ленинизма одним из ее краеугольных камней.

Суть империализма состоит, по Ленину, в пяти его признаках: «концентрации производства и капитала, дошедшей до такой высокой степени развития, что она создала монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни»; «слияние банковского капитала с промышлен-

ным и создание, на базе этого «финансового капитала», финансовой олигархии»; «вывоз капитала, в отличие от вывоза товаров, приобретает особо важное значение»; «образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир»; «закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами»¹⁹. Опираясь на такое понимание империализма, в своих последующих работах («Военная программа пролетарской революции», «О лозунге Соединенных Штатов Европы» и других) Ленин сконструировал вывод об углублении общего кризиса капитализма, что проявляется, по его учению, в следующем: империалистические мировые войны; неравномерность развития империализма; наличие в его мировой системе «слабого» звена; поворот от демократии к политической реакции; рост угнетения народов и, следовательно, неизбежность победы социалистической революции сначала в одной, отдельно взятой капиталистической стране, а затем, по мере объединения и радикализации всех антиимпериалистических сил от рабочего движения до национально-освободительного, в мировом масштабе.

Завороженность перспективой обрести власть через насилие привела Ленина к политическим выводам спекулятивного характера. Ничего научного, как показало время, в этих рассуждениях нет. Настоящая их цель не объективно исследовать капитализм и основные тенденции его развития, а вернуть себе лидерство в радикально-экстремистском крыле российской и международной революционной социал-демократии. Он решил обосновать новую стратегию и тактику революционного захвата власти, используя углубление межимпериалистических противоречий в ходе затянувшейся первой мировой войны. Даже его публицистика была полностью оторвана от жизни. Он, например, изображал капитализм одряхлевшим, умирающим, распадающимся общественным строем накануне пролетарской революции.

Потенциалом демократических институтов Ленин пренебрегал, буржуазную демократию считал юридической фикцией; истинная демократия, он утверждал, носит классовый, точнее пролетарский характер. Временные ограничения основных демократических прав и свобод в годы первой мировой войны Ленин принял за начало краха либеральной и парламентарной демократии как таковой.

Такова логика Ленинского политического доктринерства. Вот одна из его формул: «империализм есть «отрицание» демократии вообще, всей демократии...»²⁰. Понятно, что частная собственность как экономическая основа демократии и плюрализм как идеологическая несовместимы с теорией и практикой коммунизма — тотальным обобществлением — его — ударствлением всей собственности, власти и информации в руках партии — государства и его руководства.

Проблему отношений между метрополиями и колониями Ленин рассматривал исключительно политически: империализм потерпит крах под

объединенным напором социалистической революции в метрополиях и национально-освободительного движения в колониях и полуколониях. Действительность оказалась более сложной.

Главный методологический порок высказываний Ленина об империализме состоит в том, что за ними нет попытки объективно исследовать империалистические тенденции конца XIX начала XX вв., с учетом конкретно-исторических и национально-цивилизационных особенностей капитализма в ведущих государствах мира, вместо всего этого сложное, динамичное, противоречивое развитие капитализма Ленин рассматривает сквозь «узкий прицел марксистской догматики», исключительно в контексте настроя большевиков на победу в мировом масштабе.

Такое более подобает религиозно-мистическим и политико-идеологическим учениям, в основе которых слепая вера в непререкаемые догматы. С наукой же такой идеологизированно-политизированный подход, основанный на вере в фатальную неизбежность революционного краха империализма, не имеет ничего общего. История XX в. опровергла постулаты Ленина об империализме как последней стадии монополистического капитализма кануне социалистической революции. Претензия на универсальность осталась не более, чем претензией.

Империализм не оказался смертельной болезнью для мирового капитализма. Что касается России, то ее судьба оказалась иной, но все же не имеющей ни малейшего отношения к «предвидениям» Ленина. Российский капитализм, самый молодой и хрупкий в годы Первой мировой войны, Россия, вплоть до начала первой мировой войны, несмотря на ускоренную модернизацию конца XIX — начала XX вв., не успела преодолеть свое отставание от передовых, высокоразвитых, индустриально-аграрных держав Запада. Когда Первая мировая война из первой, маневренной фазы перешла во вторую, позиционную, ее исход в значительной степени был предрешен критическим истощением военно-экономического потенциала каждой из воюющих держав. Наибольшая военная нагрузка (до 50% и более) приходилась на российский театр военных действий, при том, что у России военно-экономический потенциал в 34 раза был меньше, чем у ее союзников по Антанте. Поэтому военно-политический крах России в первой мировой войне объективно был обусловлен как общей социально-экономической и военно-технической отсталостью, так и крайне невыгодным геостратегическим положением. Россия фактически в одиночку удерживала восточный театр военных действий (1934 км) и Кавказский фронт (1100 км), от Балтики до Черного моря и от Черного моря до Персии, против объединенной боевой мощи Германии, Австро-Венгрии и Турции (115 + 25 = 140 дивизий в 1915 г.), в то время как на 630 км Западном

театре военных действий против 130 англо — французских дивизий действовали 90 немецких²¹.

Определяя историческое место капитализма и империализма и стратегию победоносной мировой пролетарской революции, Ленин сделал выводы с точностью до наоборот. В отношении же тактики борьбы за власть в охваченной кризисом России он проявил, как признают многие исследователи его политической деятельности, незаурядную изворотливость.

После краха надежд на социалистическую революцию в Европе в начале Первой мировой войны Ленин приступил к обоснованию тезиса о победе революции в одной стране²². Самым слабым звеном империализма, по его мнению, была Россия, так как империалистическая война обусловила «революционный кризис в России, кризис на почве буржуазно — демократической революции, с растущим кризисом пролетарской, социалистической революции на Западе»²³. И хотя лидер большевиков верил в победу грядущей социалистической революции в Европе, в своем публичном выступлении на собрании швейцарской социал — демократической молодежи в цюрихском Народном доме 22 января 1917 г. (по новому стилю) он буквально за месяц до начала Февральской революции прямо сказал: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции»²⁴. «И все же только об этой грядущей революции и думал Ильич, для нее работал», отмечает его жена и соратница Н.К.Крупская²⁵. И лишь ретроспективно, оценивая внезапный успех Февральского переворота, который буквально в три дня смел царское самодержавие, Ленин «пост фактум» подвел под эту буржуазно — демократическую революцию теоретическую базу.

Что Ленин думал тогда на самом деле о перспективах социалистической революции в России, нам теперь никогда не станет известно. Но говорил он сообразно той или иной ситуации: молодым швейцарским социалистам о неопределенно долгой перспективе, своим ближайшим соратникам о скорой и неизбежной революции... Луис Фишер, автор исследования о политической деятельности Ленина, заметил, что «он был монументальным оппортунистом»²⁶.

К 1917 г. фактически была полностью уничтожена кадровая императорская армия, в том числе ее офицерский и унтер — офицерский состав. Им на смену пришли прапорщики запаса, выпускники школ прапорщиков, мобилизованные 1 — го и 2 — го разрядов, призывная молодежь и ратники — ополченцы. Из 15,1 млн мобилизованных в составе армии к 1917 г. насчитывалось 10,4 млн военнотружеников, в т.ч. 9 млн в действующей армии, около 4,7 млн солдат погибли в боях, умерли от ранений и болезни, попали в плен либо были демобилизованы по раниению и возрасту²⁷.

Армия, основной институт российского самодержавия, превратилась в «пороховую бочку». Особенно ее тыловые части, где сосредоточились вновь мобилизованные солдаты, не желающие воевать и не понимающие, за что им должно воевать. Постоянные военные неудачи русской императорской армии в 1914 — 1916 гг., перманентные скандалы в высших эшелонах власти, министерская «чехарда», слабование Николая II, постоянные нападки думской и буржуазно — либеральной оппозиции на власть в печати, рост цен, перебои в снабжении городов, транспортный кризис... все это и многое другое окончательно подорвало остатки бывшего авторитета царской власти и рассеяло, как туман, бывшие монархические иллюзии.

Ждать победы социалистической революции на Западе, либо самим организовать революционный переворот в России и «подтолкнуть» революцию в Европе иных альтернатив Ленин не видел. Складывающаяся обстановка давала большевикам реальный шанс на политический переворот в России. Ленин и его ближайшие сподвижники сумели увидеть эту возможность, в создании которой они участия не принимали. Большевик дитя войны. Война породила «большевизацию» общества, прежде всего ментальную²⁸.

Большевистская практика

В предвоенный период РСДРП, по словам Ленина, насчитывала от 30 до 50 тыс. членов, из них около половины²⁹ состояли в большевистских и в объединенных меньшевистско — большевистских организациях РСДРП. В большевистской фракции — партии вплоть до апреля 1917 г. не было строгой фиксации членства по индивидуальным партийным билетам, Ленин определял ее численность на период между съездами по материалам партийной печати. Накануне войны он активно готовился к созыву намеченного на август 1914 г. съезда партии³⁰.

Начало Первой мировой войны во всех европейских странах вызвало небывалый взрыв патриотических и национальных чувств, что и привело к крушению интернационализма в партиях II Интернационала. Лишь большевики — ленинцы стояли на позиции революционного поражения. Из — за этого большевистская фракция — партия распалась как общероссийская политическая организация. Например, общее количество большевиков в Петрограде уменьшилось с 6 тыс. до 0,5 тыс., т.е. на 5,5 тыс., из которых 1,5 тыс. были мобилизованы в действующую армию, 1 тыс. арестованы полицией и высланы за пределы столицы³¹, а остальные 3 тыс. членов прекратили заниматься политической деятельностью и отошли от партии.

После переезда из Австро – Венгрии в Швейцарию Ленин поселяется в Берне и начинает работу по восстановлению партии. Как свидетель – ствуют документы, главная для него задача оставалась неизменной – сохранить абсолютную монополию на власть в руководстве партии, чтобы не было впредь постыдных историй, когда на IV съезде РСДРП (1906 г.) он вообще не был избран в ЦК, а на V (1907 г.) съезде стал лишь кандидатом в его члены. К этому времени из 7 членов ЦК РСДРП, избранных на VI Пражской конференции РСДРП в 1912 г., на свободе, в Швейцарии, оказались только Ленин и его личный друг Г.Е. Зиновьев (Радомысльский)³². Три члена ЦК (Ф.И. Голощекин, Г.К. Орджоникидзе, С.С. Спандарян) были арестованы, Р.В. Малиновский, агент охраны, был исключен из партии (хотя Ленин настаивал на его реабилитации)³³, Д.В. Шварцман отошел от политической деятельности, Г.И. Петровский, будучи председателем большевистской фракции в IV Государственной Думе, находился в России и был арестован в ноябре 1914 г. Из четырех кооптированных после конференции членов ЦК РСДРП(б) двое были арестованы – Я.М. Свердлов (1913 г.) и И.В. Сталин (1913 г.). Теперь Ленин, наконец, установил свою единоличную диктатуру в партии. Осуществил это, взяв под свое личное руководство редакцию газеты «Социал – демократ», центрального партийного органа печати (печаталась в Женеве под редакцией Ленина и Зиновьева, секретарь редакции Н.К. Крупская) и став членом ЦК РСДРП, куда кроме него вошли только Зиновьев и кооптированный в сентябре 1915 г. верный ленинец А.Г. Шляпников. Под его же личным присмотром находилась партийная касса. Для контроля над партийными комитетами в России после ареста большевистской фракции в Государственной Думе в сентябре 1915 г. было сформировано посредством кооптации из верных ленинцев Русское Бюро ЦК РСДРП, возглавляемое Шляпниковым полномочным представителем ЦК в России. Кроме того, активное участие в работе Бюро ЦК принимали А.И. Ульянова – Елизарова (старшая сестра Ленина, человек с властным и жестким характером), куратор Петрограда, и М.И. Ульянова (младшая сестра Ленина), куратор Москвы.

Несмотря на идейный крах партий II Интернационала и организационный развал большевистской партии в начале первой мировой войны, Ленину удалось в 1915 – 1916 гг. по крупницам воссоздать большевистскую партию под еще более централизованным руководством: на ответственные посты он поставил лично ему преданных людей, проявления разного рода инакомыслия и инакодействия решительно отсекал, а разного рода колеблющихся вроде большевиков – примиренцев изгонял из партии. К началу 1917 г. РСДРП(б) насчитывала около 10 тыс.³⁴ активных членов. Следует также отметить, что в годы войны в партию в основном шли рабочие крупных промышленных предприятий, революционно настроенные интеллигенты и солдаты, мобилизованные в ар –

мию из индустриальных центров. В 1915 – 1916 гг. РСДРП(б) имела в России сложносоставную, двухуровневую структуру. На одной территории нелегально и строго конспиративно действовали совершенно независимо друг от друга партийные организации: на заводах и фабриках и параллельно им среди революционной интеллигенции и военнослужащих. Дело иногда доходило до того, что независимо друг от друга действовали две и более партийные организации в пределах одного даже крупного промышленного предприятия.

Внутри РСДРП между ее основными течениями большевиками и меньшевиками, а также разными фракциями и группами шла постоянная меж – и внутрифракционная борьба за власть и лидерство в партии, за контроль над партийной собственностью партийной кассой и изданиями, за стратегию и тактику партийной деятельности. При этом всегда имела место объединительная тенденция, особенно сильная в низовых организациях – рядовые их члены мало разбирались в тонкостях теории и стратегии лидеров партии. Иногда объединительная тенденция побеждала, но затем партия раскалывалась на умеренных меньшевиков и радикальных большевиков – ленинцев, причем главным инициатором очередного раскола всегда выступал Ленин. Его бывший друг и соратник Вольский (Валентинов) замечает: «Он непоколебимо верил, что в нем олицетворяется идея и участь Великой Революции, что только он один обладает верным знанием, как вести революцию, обеспечить ей успех, и поэтому – то ему, всевидящему водителю, нужно сохранять и оберегать свою жизнь. Вера в свою избранность и предназначенность вошла в него с давних пор. На поддержку себя он смотрел как на поддержку революции, а при таком понимании цель оправдывает все средства...»³⁵. Если учесть эту особенность его характера, понятными становятся его постоянные действия, направленные на отмежевание большевиков – ленинцев, истинных марксистов – революционеров от прочих: меньшевиков, предателей – ренегатов, тайных и явных оппортунистов – ревизионистов, ликвидаторов, отзовистов, богоискателей, реформаторов.

Так, еще накануне первой мировой войны было создано межфракционное Брюссельское объединительное совещание РСДРП (3 – 5 июля 1914 г.) под патронажем Международного социалистического бюро II Интернационала с целью объединения РСДРП. Работа совещания была фактически сорвана Зиновьевым, строго действующим по ленинским директивам: никаких соглашений с соглашателями, никакого примирения с примиренцами. Ленин никогда не стремился к объединению РСДРП на условиях общей платформы из взаимоприемлемых комиссий. Основа объединения большевиков – ленинцев с меньшевиками для него была приемлема только одна: полная идейная и теоретическая капитуляция последних, безоговорочное политическое, организационное и дисциплинарное подчинение ленинскому ЦК. Для большевистс –

ой фракции — партии авторитарно — вождистского типа объединение социал — демократической, меньшевистской фракцией было невозможно, ведь у них уже разные были как по своему менталитету, так и по организационной структуре. Восстановление объединенной РСДРП для Ленина абсолютно неприемлемо было ни на каких основаниях — ведь тогда он потеряет статус общепризнанного и непререкаемого вождя — диктатора революционной фракции — партии и станет хотя и руководящим, но одним из многих высокопоставленных партийных функционеров, чья власть ограничена процедурами и традициями внутрипартийной демократии. Быть партийным деятелем вечно оппозиционной, легальной, объединенной РСДРП, депутатом безвластной Государственной Думы... Эта перспектива совершенно Ленина не устраивала. Себя он видел не меньше, чем общепризнанным лидером революционной российской социал — демократии, а в недалекой перспективе — вождем революционного пролетариата в России.

Неслучайно поэтому, в 1914 — 1916 гг., находясь в эмиграции, Ленин себя проявил как самый активный инициатор постоянной публичной полемики и самый непримиримый критик лидеров всех остальных фракций и групп российской социал — демократии, от Плеханова до Троцкого. При этом он опускался до уровня грубых публичных выпадов: иногда спонтанно, из — за своего неуживчивого характера, но большей частью с расчетом на определенный эффект — партийцам, людям не очень высокой культуры, нравилось «крепкое словцо». Ленин учитывая силу демагогии и важность манипулирования поведением рабочих массы при помощи простых, крикливых штампов, запоминающихся на десятилетия, общедоступных лозунгов — идей и бранных эпитетов — ярлыков типа политическая проститутка Троцкий». В массовое подсознание он их забивал, успешно играя на примитивной оппозиции «свое чужое». Например, «Плеханов барин»: как общепризнанный патриарх российской социал — демократии, он вроде бы свой, но на самом деле чужой, барин. Используя возможности литературного и разговорного языка, штампы, ульгаризмы, афоризмы и крылатые обороты, Ленин таким манером достиг вершин полемической демагогии. И всегда последнее слово в любой полемике принадлежало Ленину — своих оппонентов он, можно сказать, втапывал в словесную грязь³⁶. Эта ленинская манера политической дискуссии оказалась заразной — почти все лидеры антиленинских групп РСДРП в эмиграции погрязли в межфракционных склоках и разборках.

При всем том межфракционная борьба внутри РСДРП в 1914 — 1916 гг., хотя и спровоцирована Лениным и потому во многом обусловлена особенностями его личности и его верой в собственный «революционный мессианиззм», отражала объективный процесс радикализации левого, большевистского течения российской социал — демократии с его пос —

ледиющей трансформацией в революционно — коммунистическое, т.е. поляризацию и окончательный раскол российской социал — демократии на традиционное, социал — демократическое движение и на экстремистски — коммунистическое. Еще 23 июля 1914 г. Ленин публично заявил: «С сегодняшнего дня я перестаю быть социал — демократом и становлюсь коммунистом»³⁷. Именно с этого времени к меньшевикам он особенно непримирим — они уже не как товарищи по революционной борьбе и не союзники в общем деле социалистического переустройства России, а политические конкуренты в борьбе за власть в социалистическом и рабочем движениях, злостные идеологические враги, оппортунисты — ревизионисты, тайные и явные предатели великого дела освобождения рабочего класса и мировой социальной революции, прямые агенты буржуазии. Полная коммунизация большевиков, в 1914 г. знаменовавшаяся приведенным публичным высказыванием Ленина, формально завершилась на VII съезде РСДРП(б) РКП(б) 8 марта 1918 г.

После краха II Интернационала Ленин уже в сентябре 1914 г. в своей статье «Война и революционная социал — демократия» заявил о задаче создания нового, пролетарского Интернационала, свободного от оппортунизма, направленного против шовинизма буржуазии всех стран. Он начал активную работу по радикализации остатков II Интернационала, в первую очередь левых групп европейских социалистических и социал — демократических партий, дабы они стали основой будущего III Коммунистического Интернационала. По инициативе лидера швейцарских социал — демократов Р. Гримма 38 сентября 1915 г. в швейцарской деревушке Циммервальд около Берна собрались 38 делегатов от интернационалистических фракций социал — демократических и социалистических партий Болгарии, Германии, Голландии, Италии, Норвегии, России, Румынии, Польши, Франции, Швейцарии, Швеции. Накануне, 3 и 4 сентября, Ленин организует совещания в кругу представителей революционных интернационалистов с целью выработать общую тактику борьбы с центристами и пацифистами. На конференции развернулась ожесточенная дискуссия между центристским большинством и левым меньшинством, два проекта ленинских резолюций были провалены, но в конечном итоге была принята компромиссная резолюция, предложенная Троцким, в которую были включены ленинские тезисы об империалистическом характере войны, лживости лозунга «защиты отечества» и констатировалась измена вождей II Интернационала делу пролетарского единства.

На конференции была избрана Интернациональная Социалистическая комиссия — исполнительный орган Циммервальдской конференции в составе Р. Гримма и Ш. Нэна от Швейцарии, О. Моргани и А. Балабано — вой (близкой знакомой Ленина и Муссолини) от Италии, которая стала секретарем ЦСК. Образовался блок центристов и левых на общей ос —

нове пролетарского интернационализма. Ленин его использовал для поднятия авторитета РСДРП(б) и для выхода большевиков из политической изоляции на международной арене, а также для создания организационных и идеологических основ будущего коммунистического Интернационала.

В деревушке Кинталь в Швейцарии 11 — 17 апреля 1916 г. прошла вторая Международная социалистическая конференция. Из 43 — х делегатов представителей групп социал — демократов России, Германии, Франции, Италии, Польши, Сербии, Австрии, Швейцарии, Англии, Голландии только 12 стояли на ленинских позициях революционного интернационализма. Попытки Ленина навязать резолюции о превращении войны империалистической в гражданскую и о создании III Интернационала провалились. Блок центристов и левых интернационалистов распался. Конференция высказалась как против защиты буржуазного отечества, так и против социал — пацифизма, провозгласив, что борьба за мир может состоять лишь в борьбе за осуществление социализма.

В начале 1917 г. Ленин потребовал разрыва левых с Циммервальдским объединением, но социалисты его требование проигнорировали. Третья Циммервальдская конференция состоялась в Стокгольме в сентябре 1917 г.; на ней большевики не присутствовали, так как к тому времени вся правая часть Циммервальда склонилась к поддержке центристов и Международного социалистического бюро III Интернационала. Первый конгресс Коммунистического Интернационала объявил Циммервальдское объединение распущенным, что ознаменовало окончательный разрыв центристов и левых.

Ленинский курс на создание нового, революционного III Интернационала, на дальнейшую большевизацию международного социалистического движения с опорой на леворадикальные элементы и группы в социалистических партиях Европы тогда полностью провалился. Без мощной финансовой подпитки и политической поддержки извне этот курс оказался контрпродуктивным. В дальнейшем, став руководителем советского государства, Ленин учтет эти исторические уроки, и финансово — политическое обеспечение Коминтерна будет у него на одном из приоритетных мест, а во главе нового, своего Интернационала он поставит испытанного друга и соратника Зиновьева, наделив его чрезвычайными, диктаторскими полномочиями.

Основную ставку в своей революционной деятельности Ленин и большевики делали на массовый, протестный потенциал рабочего движения, политизируя и радикализируя его как напрямую, с помощью партийного руководства местными парторганизациями, так и косвенно, путем постепенной большевизации руководства рабочих организаций профсоюзов, больничных касс, кооперативов, стачечных комитетов и регуляр —

ным, периодическим вбрасыванием в рабочие массы большевистских идей — лозунгов, настраиванием рабочих на массовые революционные выступления под своим руководством, дабы адресовать их протест существующему государственному и общественному строю. Разумеется, на рост и динамику рабочего движения влияли и другие факторы, в том числе и экономические.

В таблице № 1 в обобщенной форме представлены данные, характеризующие стачечное движение в России — основную форму рабочего движения в военный период развития страны с 1 августа 1914 г. по 1 февраля 1917 г. и его зависимость от основных экономических факторов: роста цен, изменения номинальной и реальной заработной платы (даны средние по России значения показателей, поскольку они разнятся в зависимости от региона и отрасли). Прежде всего, видна монотонно возрастающая зависимость от роста цен и отставание от него роста номинальной заработной платы. Из того можно заключить, что уменьшение реальной заработной платы рабочих — несомненная причина общего роста стачечного движения как в абсолютных, так и в относительных показателях.

Таблица № 1³⁸

СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ РАБОЧИХ В РОССИИ, ИНДЕКСЫ РОСТА ЦЕН,
ИЗМЕНЕНИЯ НОМИНАЛЬНОЙ И РЕАЛЬНОЙ ЗАРПЛАТЫ С 1 АВГУСТА 1914 Г. ПО 1 МАРТА 1917 Г.

Годы	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1917 г.
Месяцы	8 — 12	1 — 12	1 — 12	1	2
К — во стачек	70	1063	1542	400	963
Количество политических стачек	8	203	243	229	912
К — во стачечников	37212	569243	1172652	270099	438800
Политических	4345	156969	310100	162978	412800
В среднем за месяц к — во стачек	14	88,6	128,5	400	963
Политических	1,6	16,9	20,5	229	912
К — во стачечников	3101	47436,9	97721,0	270099	438800
Политических	869,0	13080,7	25841,6	162978	412800
Среднее на 1 стачку					
к — во участников	465,1	535,5	760,4	675,2	455,6
Политических	543,1	773,2	1276,1	711,7	452,6

К — во потерянных раб. дней на 1 стачку	1628	2008	3621	5629	6592
Индекс роста цен	109	130	204	361	372
Индекс роста номинальной заработной платы	102	114	169	268	269
Индекс изменения реальной зарплаты	93,5	88,1	83,2	74,2	72,4

Примечание: Погрешность исчисления $\pm 4,0\%$.

В марте 1915 г. А.Л. Парвус (И.Л. Гельфанд), бывший российский социал-демократ, бывший член президиума Петербургского совета рабочих депутатов (1905 — 1906 гг.), а в начале мировой войны германский социал-демократ, торговый спекулянт, весьма близкий к германским спецслужбам и правительственным верхам, представил германскому правительству план организации революции в России, известный как «меморандум д-ра Гельфанда»³⁹. По этому плану предлагалось, в частности, выделить деньги для поддержки всех антиправительственных организаций в России от большевиков и БУНДа до финских социал-демократов в целях активизации антигосударственной, пораженческой, революционной пропаганды и, как следствие, быстрее выхода России из войны. Эта война зашла в позиционную стадию «тупики», и ради выхода из него правительство выделило в 1915—1918 гг. 382 млн марок из 80 млрд военного бюджета на ведение пораженческой пропаганды в странах Антанты, в том числе 40 580 977 марок на Россию, часть которых досталась большевикам⁴⁰.

Международистические противоречия Ленин активно использовал для приближения краха господствующих в России режимов: сначала царского, а затем Временного правительства. Тем более, что оба они были участниками Антанты, тогда как Ленин ярким ее противником. Отсюда «временное совпадение интересов» у Германии с Австро-Венгрией и у большевиков. Кто кого для этих целей использовал — вопрос интересный и дискуссионный. Понятно, что у всех участников драмы были свои интересы. В всяком случае ясно, что если бы Ленин не прибегнул к помощи австрийских и германских социал-демократов и к содействию австро-венгерских и германских властей, то, скорее всего, до конца войны пролился бы лагерь для интернированных, выйдя на свободу к шапочному разбору. Если бы Ленин ограничился помощью только австрийских социал-демократов, то, находясь в Швейцарии до завершения войны, он был бы, в лучшем случае лидером небольшой ультрареволюционной эмигрантской группы большевиков. Но в истории, как известно, нет сослательного наклонения — получилось то, что получилось. Ленин сумел ис-

пользовать по максимуму как межпартийную солидарность австрийских и немецких социал-демократов, что не помешало ему в дальнейшем гневно их заклеймить как предателей интересов рабочего класса и мирового социализма, так и содействие австрийских и германских властей для перебазирования с тюремных нар сначала в Швейцарию, а затем в «пломбированный вагон», доставивший его в революционную Россию.

В преддверии революции

Процесс мирной эволюции Российской империи с ее аграрно-индустриальной экономикой, феодально-абсолютистским государственным строем, слегка «разбавленным» сословно-представительными учреждениями, в передовую индустриальную державу этот процесс был резко прерван Первой мировой войной. Переход от «маневренного» ее этапа к «позиционному» вызвал у царского самодержавия крах надежд на «быструю» и «победоносную» войну. Исход войны стали определять не военное искусство, а эффективность военно-экономического потенциала ведущих держав, способность правящих элит мобилизовать и организовать на войну все силы. Либерально-демократические правительства «национального единства» во Франции, Великобритании, США, куда вошли представители ведущих политических партий, от правых консерваторов, центристов — либералов до левых социалистов включительно, смогли консолидировать свои народы на основе общенациональных ценностей и мотива защиты своей родины, моральная безупречность которого тоже общепризнана. В России же власть не позаботилась о формировании «правительства доверия», «ответственных министерств», поэтому самые политически и социально активные элементы и группы российского общества не были привлечены к более рациональному и оптимальному управлению страной, к мобилизации всех сил, от «монархистов до анархистов», на «оборону Отечества». Николай II по-прежнему оставался на позициях персонального единовластия, опираясь исключительно на высшие эшелоны государственной бюрократии и военно-полицейские структуры. Постепенно, по мере ухудшения военно-политической и социально-экономической ситуации в стране, в оппозицию к царскому режиму встали все основные социальные слои и политические силы российского общества: от либеральной бюрократии, фрондирующей аристократии, буржуазно-помещичьих кругов... до интеллигенции, служащих, рабочих и национальных меньшинств.

К началу 1917 г. немецкими войсками были оккупированы 16 западных губерний, где было сосредоточено свыше 20% экономического потенциала страны, из 15 млн мобилизованных в армию осталось в строю

только 10 млн, а 5 млн кадровых и военнообученных солдат 1-й и 2-й очереди были убиты, пропали без вести, взяты в плен, демобилизованы по ранению и инвалидности, 195 — 130 солдат дезертировали⁴¹. В стране усилилась экономическая разруха, поскольку отсталая аграрно-индустриальная экономика не могла вынести бремени военных усилий, покупательная способность рубля упала почти в 4 раза, составив 2627 довоенных копеек⁴². Государственный долг за годы войны к 1 января 1917 г. возрос за счет военных расходов в 3,8 раза, с 8824,5 млрд руб. до 33 580,8 млрд руб⁴³. Соответственно возросли цены на товары первой необходимости. Сверхмилитаризация экономики страны привела к постоянному транспортному кризису, поскольку железные дороги были на 80 и более процентов заняты военными и оборонными перевозками. Усилилась имущественная поляризация населения, на 20 — 25% снизился уровень его жизни в целом. Страна начала медленно и неуклонно погружаться в общенациональный кризис, охвативший все сферы российского общества.

К началу 1917 г. царский режим оказался в политической самоизоляции и в социальном вакууме, потеряв окончательно опору в городах и в действующей армии, авторитет царской монархии и личный престиж Николая II и его семьи снизился до нулевого уровня, особенно в связи с распутищиной — крайне негативной формой фаворитизма, когда назначение на высшие государственные посты чиновники получали не в соответствии с их компетентностью, а по степени близости к дворцовой камарилье⁴⁴. В стране началась «министерская чехарда». За годы войны сменилось 3 председателя Совета Министров, 5 министров внутренних дел, 2 министра иностранных дел, 3 военных министра, 3 министра юстиции, 17 министров и главнoуправляющих⁴⁵. Сам Николай II, хотя и взял на себя высшие государственные и военных полномочия, в критические моменты истории оказался неспособным по своим личным качествам, исполнять функцию верховного руководителя, как это получилось у премьер-министра Франции Жоржа Клемансо (по кличке «Тигр»), спасшего Францию от военно-политического краха в 1917 г., или у «хитрой лисы» Д. Ллойда Джорджа, английского премьер-министра с 1916 г, мобилизовавшего на победу все силы необъятной Британской империи. Николай II по-прежнему опирался на узкий круг лично преданных сановников, тасуя их время от времени по правительственным постам. На самых важных государственных постах оказались в конечном итоге люди малокомпетентные, безынициативные и инертные. Например, 27 декабря 1916 г. на пост председателя Совета министров был назначен 67-летний князь Н.Д. Голицын, а 2 декабря 1916 г. на пост главы МВД ведущего министерства («пупка власти» Российской империи) абсолютно некомпетентный думский деятель А.Д. Протопопов, на должность командующего столичного Петроградского военного округа — 65-летний отставной казачий генерал С.С. Хабалов. Царское самодержавие в начале 1917 г. опиралось

на политическую инерцию патриархального стомиллионного русского крестьянства и на консервативно-охранительную часть государственной и военно-полицейской бюрократии.

Накануне революции никто ни в России, ни за рубежом не предполагал столь быстрого и неожиданного крушения царизма.

Лидеры российской социал-демократии не составляли исключения. Вся их надежда, от правого меньшевика Плеханова до экстремиста большевика Ленина, была на победоносную социалистическую революцию в Европе. Плеханов в Женеве по-прежнему писал публицистические статьи а защиту «социал-оборончества». Ставку он делал на скорейшую победу либерально-демократических держав Антанты и последующую послевоенную либерализацию и демократизацию России в рамках общеевропейской модернизации.

В самой России «социал-патриоты» меньшевики с 1915 г. стали активно работать в составе рабочих групп военно-промышленных комитетов (ВПК) и вместе с либеральной демократией и буржуазными прогрессистами «ковали оружие победы» над германскими империалистами. Руководителем рабочей группы Центрального ВПК в Петрограде был меньшевик-оборонец К.А. Гвоздев. В составе группы были созданы комитеты по созыву рабочего съезда, продовольственная, профессиональная и др. Главный путь борьбы с царским режимом социал-оборонцы видели в давлении на власть в рамках Государственной Думы и других легальных рабочих организаций.

Рабочая группа ЦВПК и многие меньшевики-оборонцы находились под идейным влиянием Потресова. Национально-государственный, гражданский патриотизм следует, считал он, отличать от казенного, поверхностного, квасного «ура-патриотизма». Последним охвачена обывательская масса, в том числе и пролетарская. В духе первого воспитаны народы Западной и Центральной Европы, где есть развитое гражданское общество. Основой этого патриотизма в России он считал освободительное движение, участники которого готовы «душу положить за други своя». Рабочие в России, по его мнению, должны и обязаны отстаивать свои классовые интересы в рамках развития общедемократического процесса, в обстановке легальности, критиковать царизм, но не участвовать в политических стачках и в вооруженных восстаниях. К концу 1916 г. Потресов констатирует крах казенного «ура-патриотизма» в рабочих массах, начало их переориентации на идеи «мессианского интернационала — революционаризма», отмечает слабые позиции подлинного, национально-государственного, гражданского патриотизма. После высылки из Петрограда в Москву Потресов организовал выпуск журнала «День», в котором пропагандировал свои взгляды. Накануне революции власти собирались выслать его и из Москвы, но опоздали. Ирония судьбы: социал-демократы, оборонцы-патриоты, стоящие на подлинно гражданских

позициях, подвергались систематическим преследованиям со стороны царских властей и самой резкой критике со стороны интернационалистов, особенно левых, революционных, обвинявших их в социал-шовинизме и предательстве рабочего дела.

Меньшевики — центристы, ОК — исты и думская фракция, «интернационалисты на словах, оборонцы на деле», в 1915 г. предложили созвать всероссийский рабочий съезд из уполномоченных, избранных в состав рабочих курий ВПК. По их мнению, рабочий съезд должен решить вопрос об участии рабочих в ВПК и определить отношение рабочих масс к войне. Но осуществить эту идею помешала революция. В местных партийных организациях меньшевики колебались и дрейфовали, по мере обострения политической ситуации в стране, от правых — оборонцев к центристам — интернационалистам. Большая их часть поддерживала позиции центристов, им импонировала их умеренная политическая позиция в рамках легальности и тенденция восстановить единую РСДРП. Руководитель заграничной части ОК, представитель РСДРП в Международном социалистическом бюро Аксельрод пытался объединить политэмигрантов под лозунгом «взаимной амнистии», но особого успеха не имел. Чхеидзе лидер думской фракции РСДРП и член ОК подобным образом в России пытался объединить в РСДРП под единой партийной «крышей» оборонцев — патриотов и революционных интернационалистов, но тоже безуспешно.

Левые меньшевики — интернационалисты, мартовцы, в численном и организационном отношении представляли небольшие группки в эмиграции и не играли значительной роли в рабочем и социалистическом движении в России. Сам лидер этого направления Мартов находился в Швейцарии, где вел ожесточенную публичную полемику с Плехановым и Лениным, обвиняя их в отходе от марксизма. Первым предложивший добраться до России из Швейцарии через Германию и Швецию в Россию, в апреле 1917 г. Мартов, как ранее Ленин в «пломбированном» вагоне, приехал в Россию, где сразу встал в оппозицию всем и вся.

Межрайонцы и троцкисты в начале 1917 г. также составляли небольшие группки среди политэмигрантов и насчитывали несколько сот человек в России, главным образом в Петрограде и в Москве. Они были малочисленны и организационно слабы. Троцкий, после высылки из Франции за «германофильскую пропаганду» и из Испании за «пацифизм», 1 января 1917 г. высадился в Нью-Йорке, где с «глубокой верой в надвигающуюся революцию» стал работать в редакции газеты «Новый мир». Как обычно, он занялся яростной критикой «всех и вся», от прагматического уклонизма — ревизионизма до ультра — революционного авантюризма. Свою точку зрения Троцкий, как всегда, считал единственно верной и организовал для ее массовой пропаганды выпуск боевого марксистского еженедельника. Бурная публицистическая деятельность Троцкого выз —

вала ответную негативную реакцию в социалистических кругах Нью-Йорка. Началась яростная склока. Но тут совершенно неожиданно, как снег на голову, произошла Февральская революция в России, и Троцкий срочно выехал на родину «делать революцию». По дороге домой он был арестован в Канаде английскими военными властями как «страшный социалист, с субсидией от германского посольства для низвержения Временного правительства»⁴⁶, и помещен в концлагерь, где взбаламутил немецких матросов и солдат. Несмотря на активное противодействие главы МИД Временного правительства П.Н. Милюкова (автора термина «троцкизм» в 1905 г.), Троцкий как видный политэмигрант — революционер по просьбе Временного правительства был освобожден и приехал в Петроград 4 мая 1917 г.

Крайне левые интернационалисты — революционеры большевики под авторитарным руководством Ленина по мере стремительного роста кризисных явлений и процессов в России радикализировали рабочее движение, особенно в Петрограде, постоянно и методично «вбрасывая» в него революционные лозунги — требования, активно используя памятные даты и юбилеи. Так, 9 января 1917 г. ПК РСДРП(б) и ЦВПК в честь 12-й годовщины «Кровавого воскресенья», они организовали политическую, общегородскую забастовку, в которой приняли участие около 150 тыс. рабочих. Стачка сопровождалась митингами и демонстрациями под общедемократическими и революционными лозунгами. 14 февраля 1917 г., в день открытия зимней сессии IV Государственной Думы, по призыву ПК РСДРП(б) в общегородской стачке участвовало 90 тыс. рабочих.

Ленин в начале 1917 г. находился в нейтральной Швейцарии, твердо веря в победу социалистической революции в одной или нескольких европейских странах — будь то Германия, Австро-Венгрия, Франция или Италия. Но революция совершенно неожиданно началась в отсталой России. Ленину пришлось пережить очередное банкротство своих концепций.

Примечания:

¹ Писарев Ю. «Наши дети будут ходить по Вене...». Сараевское убийство 28 июня 1914 года и «Млада Босна» // Родина. 1993. № 89. С. 16.

² Ленин В.И. ПСС. Т. 48. С. 155.

³ Bernard Shaw and Mrs. Patrick Campbell. Their Correspondence. N. — Y. 1952. P. 146 — 147.

⁴ Борьба за мир: Материалы трех Интернационалов. М. 1967. С. 46, 67 — 69.

⁵ Хаффнер С. Революция в Германии 1918 — 1919. М. 1983. С. 47.

⁶ Де Лазари А. Мировая империалистическая война 1914 — 1918 гг. М. 1934. С. 136.

- ⁷ Народы России. Энциклопедия. М. 1994. С. 90, 156, 248; *Урланис Б.Ц.* История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII — XX вв. (историко-статистическое исследование). СПб. 1994. С. 374 — 385.
- ⁸ *Пайпс Р.* Россия при большевиках. М. 1997. С. 307, 313, 315 — 318.
- ⁹ Цит. по: История Коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти тт. Т. 2. Партия большевиков в борьбе за свержение царизма. 1904 февраль 1917 года. М. 1966. С. 162.
- ¹⁰ *Гарви П.А.* А.Н.Потресов человек и политик // Социалистический вестник. 1934. № 14.
- ¹¹ Большевицкая фракция IV Государственной Думы. Сборник материалов и документов. Л. 1938. С. 508.
- ¹² См. более подробно: *Урилов И.Х.* Ю.О.Мартов. Политик и историк. М. 1997. С. 1417.
- ¹³ *Галили З.* Лидеры меньшевиков в русской революции. М. 1993. С. 43.
- ¹⁴ *Мартов Ю.О.* Избранное. М. 2000. С. 322, 343.
- ¹⁵ Меньшевики. Документы и материалы. 1903 февраль 1917. М. 1966. С. 15.
- ¹⁶ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. М. 1992. С. 106 — 107.
- ¹⁷ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 55. С. 454.
- ¹⁸ Там же. С. 365.
- ¹⁹ Там же. Т. 27. С. 299 — 426.
- ²⁰ Там же. Т. 30. С. 93.
- ²¹ *Де Лазари А.* Указ. соч. С. 88, 106, 129.
- ²² *Ленин В.И.* ПСС. Т. 26. С. 354. Т. 30. С. 133.
- ²³ Там же. Т. 27. С. 27.
- ²⁴ Там же. Т. 30. С. 328.
- ²⁵ *Крупская Н.К.* Последние дни в эмиграции 1917 г. // Крушение царизма. М. 1986. С. 221.
- ²⁶ *Фишер Л.* Жизнь Ленина. В 2-х тт. Т. 1. М. 1997. С. 221.
- ²⁷ Россия в мировой войне 1914 — 1918 гг. (в цифрах). М. 1925. С. 18, 19.
- ²⁸ *Гайдар Е.* Государство и эволюция. М. 1995. С. 79, 80.
- ²⁹ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 24. С. 34.
- ³⁰ Там же. Т. 48. С. 318.
- ³¹ *Лейберов И.П.* На штурм самодержавия. М. 1979. С. 72.
- ³² Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М. 1996. С. 218.
- ³³ Дело провокатора Малиновского. Сост.: *Каптелов Б.И. и др.* М. 1992. С. 20.
- ³⁴ *Миллер В.И.* К вопросу о сравнительной численности партий большевиков и меньшевиков в 1917 г. // Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. М. 1989. С. 256.
- ³⁵ *Валентинов В.* Недорисованный портрет. М. 1993. С. 353.
- ³⁶ См. подробнее: *Кондаков Н.И., Кленовская Л.А.* Крылатые аргументы. (Афоризмы и крылатые выражения в трудах и выступлениях К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина). М. 1989; *Душенко К.* Русские политические цитаты от Ленина до Ельцина. Что, кем и когда сказано. М. 1996.
- ³⁷ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. В 12-ти тт. Т. 3. М. 1972. С. 266.

- ³⁸ Рабочий класс России. 1907 — февраль 1917 г. М. 1982. С. 328; *Кохн М.П.* Русские индексы цен. М. 1926. С. 160 — 161; *Уткин А.И.* Ленинская партия во главе революционной борьбы рабочего класса России (июнь 1907 февраль 1917 г.). М. 1985. С. 102 — 107.
- ³⁹ *Николаевский Б.И.* Тайные страницы истории. М. 1995. С. 239 — 252; *Арутюнов А.* Досье Ленина без ретуши. М. 1999. С. 55, 56.
- ⁴⁰ *Fisher Fritz.* Griff nach der Weltmacht. // Die Kriegszielpolitik des Keizerlichen. Dusseldorf. 1961. S. 174. Тайна Октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевицкий заговор. Документы, статьи, воспоминания. СПб. 2001. С. 8.
- ⁴¹ Россия в мировой войне 1914 — 1918 гг. (в цифрах). М. 1925. С. 26.
- ⁴² *Мальшев А.И., Таранков В.И. Смиранный И.Н.* Бумажные денежные знаки России и СССР. М. 1991. С. 76.
- ⁴³ *Дементьев Г.А.* Государственные доходы и расходы России и положение государственного казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 г. П. 1917. С. 49.
- ⁴⁴ Святой черт. Сборник. М. 1990.
- ⁴⁵ Советская историческая энциклопедия. Т. 9. М. 1966. Стлб. 466 — 467.
- ⁴⁶ *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. М. 1991. С. 275.